

ОБЩИНА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АНТИСТРУКТУРА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Наргис НУРУЛЛА-ХОДЖАЕВА¹

COMMUNITY AS A SOCIOCULTURAL ANTI-STRUCTURE IN CENTRAL ASIA

Nargis NURULLA-KHOJAEVA²

РЕЗЮМЕ. На протяжении своей долгой истории культура Центральной Азии строилась на основе деликатного общинного и меж-общинного баланса. Её исключительность проектировалась в способности признать наличия историко-социального диссонанса между кочевниками и оседлыми, и способность использовать его во блага всех народов; далее, культура соединила контрадикции фарси-говорящих таджиков и тюрко-говорящих народов и оформила его в феномен билингвизма, который не смогли поместить в про-европейские рамки административных схем, но который все еще сохраняется в древних городах региона (Самарканд, Ходжент, Бухара). В данной статье мы предлагаем представить местную общину как социокультурную антиструктуру, способную резервировать важнейшие моральные ценности, необходимые для дальнейшей эволюции этого сложного региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: община, антиструктура, мораль, самоубийства, аномия, асабийя, свадьба

ABSTRACT. The long-lasting Central-Asian culture was designed on the base of delicate communal and inter-communal balance. It is exception characterized by capacity to recognize historic-social dissonance among nomads and settled and use it for the good of all people; furthermore the culture jointed contradictions of farsi-speaking Tajiks and Turkish-speaking people and shape phenomenon of bilingualism. The last one did not fit in pro-European administrative frames, but it survived partly in ancient cities of the region (Samarkand, Khojand, Bukhara). In the proposed article I would offer to initiate discourse on the local community as a sociocultural anti-structure. In such frame the community could be able to reserve essential moral values required for further evolution of modern states.

KEY WORDS: community, anti-structure, moral, suicide, anomy, asabiya, wedding

¹ Таджикско-российский факультет Технологического университета Таджикистана, Душанбе, ТАДЖИКИСТАН.

² Tajik-Russian Faculty of Technological University of Tajikistan, Dushanbe, TAJIKISTAN.

1. Из истории общины региона

В Центральной Азии общинно-племенные институты кочевников возникли в конце второго – начале первого тысячелетия до н. э., когда большинство жителей степных районов переходили к новой специализированной форме хозяйствования – кочевому скотоводству [12, 101]. История развития общины оседлых народов региона насчитывает более тридцати тысяч лет. Жизненный цикл каждого нового поколения, как кочевников так и оседлых, занимал примерно двадцать пять лет, т.е. опытом общинного оседло-кочевнического сосуществования обладало приблизительно семьсот поколений.

Нынешняя Центральная Азия представляется миру (и это происходит, вероятно, впервые за ее долгую историю) расколотым регионом, в лучшем случае беспорядочным, и в худшем, бессвязным. Также как и местный современный человек, будь то в Казахстане или Таджикистане, все интенсивнее загоняет себя в своего рода изолятор, представляемый современным обществом как субъективность. Хотя я предполагаю, что такое дробление ведёт к исчезновению моральных ценностей, которые возникают и сохраняются только при наличии особого социокультурного пространства по типу общинного.

2. Легитимная мораль общины и совет Макиавелли

Община (местного порядка), способна на удивительный парадокс: она сохраняет одновременно дистанцию между людьми и объединяет их – то есть тесное, лицом к лицу единство дает основу для сохранения морали и видения перспектив. И интересно, что об этом все чаще и настойчивее говорят европейские специалисты. Например, именитый французский философ Жан-Люк Нанс, писал о концепции “singularity”, то, что было переведено на русский как «множественно единичного» [14]. Он считает, что индивидуумов нет, правильнее говорить о единичности (singular) человеческих существ, и она возникает от общности, к которой принадлежит тот или иной человек. Эта единичность ориентирована на множественность, идущая от общего. Такого рода общая диспозиция, и в нашем случае общинный институт, основанный на социальном единстве и самоконтроле всегда требовал легитимной морали. Данный подход может помочь в представлении людей как вид животных, который способен создать функциональную группу, регулируемую согласованными моральными нормами. Это имел в виду М.А. Лифшиц считавший, что мораль возникает там, «где люди связаны общественной нитью не через тысячи посредствующих звеньев, а непосредственно, конкретно, соприкасаясь друг с другом, имеющие плоть и кровь» [9, 241]. Об этом пишут и эволюционные биологи: Джон Майнар Смит (John Maynard Smith) и Эорс Затмэри (Eors Szathmary), считая, что размежевание людей от групп приматов и дальнейшее процветание человеческих обществ шло благодаря способности людей передавать, сохранять, перенимать социокультурную информацию [24].

Важнейшими в эволюции людей были общинные механизмы-репликаторы, которые стимулировали интерес людей друг к другу, и их способность перенимать моральные ценности и учиться. То есть культурная эволюция продвигалась вперед благодаря группам, которые были способны сотрудничать. Так оформлялась среда, где происходил естественный отбор в пользу тех общин и индивидуумов, которые умели использовать потенциал меж-общинного сотрудничества, и соответственно жизнь в них развивалась на основе согласованных моральных норм. М.Томаселло доказывает на многочисленных примерах, что дети всегда готовы помочь друг другу, они готовы сотрудничать со всеми. Однако взрослея, человек начинает блокировать эту естественную (неподдельную) реакцию (то есть учиться быть «не хорошим»), и взрослый – он/она менее склонен к поддержке и сотрудничеству [23]. Это происходит по ряду причин: это и боязнь наказаний, страх выглядеть не современным и потерять репутацию и т.д. Как раз этот момент имел в виду Макиавелли, когда высказывался, что «Государю нельзя быть добрым слишком долго – это значит быть обязанным и стать зависимым от подчиненных» [10].

Этот совет Макиавелли успешно перешел на всю современную культуру. Она успешно культивирует такое поведения – не будьте добрыми, будьте независимыми. Отсюда настойчивое поощрения нереальных или точнее ненадлежащих ожиданий от масштабной индивидуальной свободы. Поступая, таким образом, индивидуум (вольно или невольно) вуалирует общепринятые установки на сотрудничество и доверия, так как происходит дистанцирования от общественного критерия правильности по системе ценностей, представляя моральный скептицизм как допустимую основу современной системы ценностей. Это, особенно ясно сказал герой Ф.М. Достоевского: «Если Бог есть, то вся воля Его, и из воли Его я не могу. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие...»[5]. Такая интерпретация существовала всегда, однако сегодняшний ее масштаб ужасаем. Она отчасти влияет на число самоубийств среди молодежи, которое выросло за последние 50 лет приблизительно на 60% [15].

Информация по числу самоубийств в странах Центральной Азии:

Казахстан занимает ведущее место по числу суицидов с коэффициентом 20,7, выросшим с 1989 года более чем на четыре единицы [17].
Среднее число самоубийств за последние годы в Таджикистане составляет от 4 до 7 случаев на 100 тыс. человек. Однако эксперты полагают, что эти цифры не отражают реальной картины. По данным ВОЗ, в республике лишь 7% умерших из 100 тыс. подвергаются вскрытию [17].
С 2005 года достоверных данных относительно числа самоубийств по Узбекистану нет.
По статистике российских социологов, на 100 тысяч человек в Кыргызстане приходится 14 случаев суицида у мужчин и 8 – у женщин (в 2012 г.)[19].
Уровень самоубийств в Туркмении удвоился и составил по данным 2004 г. 11,6 на 100 тыс. человек [13].

Э.Дюркгейм считал, что уровень самоубийств обратно пропорционален степени интеграции индивидуума в социальные группы, членом которых он является [6]. Он же снабдил экспертов концепцией «аномии» – когда в обществе перестают действовать ранее принятые правила поведения, и оно освобождает индивидуумов от соблюдения принятых норм морали (тогда как сущность морали – прежде всего сохранения обязательных норм для всех своих членов). В таких условиях исчезает способность сохранять значимые моральные ценности и сеть сотрудничества, что ведет общество к социально-экономической деградации. Это когда «...прежние боги стареют или умирают, а новые не родились» [3, 69]. То есть неверное распределения власти между группами, снижения на этом фоне масштабов органической солидарности ведет к распространению аномии, к дефициту необходимой взаимоподдержки и доверия в обществе. Хотя Дюркгейм имел в виду Европу, то есть общество обеспеченных людей, тем не менее, его исследование в равной степени применимо и к современным реалиям изучаемому региону. Также как и исследования Ибн Халдуна, писавшего на рубеже 14–15 вв. об арабской Андалусии. Описывая возможности преодоления кризиса, в котором оказались арабы, Ибн Халдун говорит о возрождении феномена спаянности в обществе, то, что он называл – «асабийя» [21]. Данный термин можно перевести двояко:

Речь идет о необходимости подключения механизма внутриобщинного и меж-общинного сотрудничества. Правящая элита по Ибн Халдуну проходит

цикл состоящий из четырех фаз (длительностью в приблизительно сто двадцать лет)¹:

- завоевания,
- консолидации,
- коррупции,
- дезинтеграции [21].

Последняя фаза, это потеря власти, и возникновения новой группы с более сильной асабией, если предыдущая группа не в состоянии возродить свою спаянность. Такая цикличность власти отражается на всей цивилизации и истории человечества. Приблизительно это имел в виду и Э. Дюркгейм, когда писал: ...я противопоставляю коллективу тот же коллектив, но больше и лучше осознающий себя [7]. Это имел в виду, вероятно, также Л. Н. Гумилев, проектируя гипотезу о пассионарном толчке² [4, 510–511].

В таком контексте можно рассуждать о том, что местные общинные группы в состоянии объединять людей, проектируя тем самым устойчивую социальную сеть сплочённости в обществе. То есть без единой системы ценностей, которая может объединить индивидуумов, без определённых внешних сил способных обуздать стремления индивидуумов к неограниченному самоопределению каждый индивидуум испытывает существенное снижения собственных возможностей. В этом кроется слабость сегодняшнего творческого потенциал индивидуума по всей Центральной Азии, так как нынешние интеллектуалы склонны к эмпирическим схемам, и менее направлены к сохранению и следованию общинных моральных норм.

3. Празднества и община как антиструктура

Высшим уровнем доказательства принадлежности индивидуума к группе, являются, по моему убеждению, празднества (причём речь не идет о государственных стадионно-площадных увеселений). Это семейно-общинные (и отчасти религиозные) торжества, в которых нет четкого разделения на сферы общинную и частную. Такого рода социокультурные значимые событиями: свадьба, рождение, смерть... касаются практически или символически всех членов семьи (включая дальних родственников) и членов местных общин. Они создают условия для особых пауз в рутинной жизни людей, и снабжают идеалами, на которые люди ориентируются в последствии. Во время таких празднеств идеалы актуализируются, и приближаются к имеющимся реалиям. «...Идеалы эти – не абстракции, не холодные умственные представления, лишённые всякой действенности. Это, главным образом, двигатели, так как за

¹ Согласно фольклору этот срок соответствует сроку жизни человека.

² Гумилев Л.Н. представил пассионарность как рецессивный генетический признак, возникающий в результате мутации, настаивая, на том что такой толчок имеет космическое происхождение.

ними существуют реальные и действующие силы» [8, 300]. И они имеют свою социальную природу.

На семейно-общинных мероприятиях по типу свадьбы, рождение ребёнка и т.д. всегда звучит громкая музыка и люди танцуют. Танец является самым распространённым явлением человеческой культуры [18]. «Представленные во многих танцах народов мира, синхронные схожие движения повышают чувство доверия и сотрудничества между людьми» [20]. Индивидуум, танцующий в группе, чувствует общий ритм, и действует синхронно вместе с членами группы, получая удовольствия от этого, и он/она не в состоянии «танцевать против других».

На таких празднествах люди формируют и укрепляют дух общего социального единства, и именно тогда социальное становится как бы синонимом морального, так как превращается в источник солидарности, заставляя человека руководствоваться в своих действиях общинным благом, а не эгоизмом. Хотя по масштабу современные общинно-семейные торжества сложно сравнить с карнавалами Европы и Латинской Америки [2], однако схожесть в том, что в обоих случаях можно говорить о возникновении особого феномена анти-структуры, когда происходит стирание институализированных социальных границ. То есть любая структура (в особенности та, которая имеет печать формальности, официоза) время от времени требует свою анти-структуру (то есть: неформальную, неправительственную, не официальную). Такого рода стремления являются, вероятно, фундаментальной человеческой необходимостью. Однако вечера, с танцами и песнями во многих странах региона (особенно в Таджикистане, Узбекистане) пытаются интерпретировать иначе. Семейные празднества представляются со стороны государства как те, которые негативно сказываются на бюджете семей, и впоследствии на общем благе. В таком духе был оформлен недавний закон «Об упорядочении обрядов и традиций» в Таджикистане [16].

Общинные и семейные торжества могут и должны быть признаны как эффективный механизм социального сотрудничества. Они могут помочь в пересмотре устанавливаемых и регулируемых со стороны государства правил, и вернуть к исконному смыслу, через временное единение всей общины, которая всегда основывалась на ценностях врождённой человеческой универсальности. Важно учесть, что разум индивидуума имеет общий характер, и всегда направлен на объекты, которые социально определены. В этом плане Хаид (Haidt) писал, что такого рода опыт способен «связать и гуманизировать всех членов в одну группу, делая структуры с которыми они вернутся более гуманными и стабильными» [22].

С другой стороны, масштаб анти-структуры общинного характера невелик. И государство по всему региону, его мощь – все его пять форм (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан) несоизмеримо выше, и не признает общинных рамок и временами самой

человечности. Однако в данном контексте важна идея общины как анти-структуры, то есть, то, что выдвигается самими народами.

Этот момент был представлен еще Аристотелем, писавшим, что «государство при постоянно усиливающемся единстве перестанет быть государством. Ведь по своей природе государство представляется неким множеством» [1]. Следуя заветам «первого учителя» (так называли Аристотеля на Востоке) я предполагаю, что обсуждения темы общинности может принести реальную социальную выгоду, так как такой поворот ослабит значимость «я» как уникального, отдельного, независимого и уверенного в себе агента. Такой акцент может соединить возникший «эпистемологический разрыв», и позволить в конечном итоге всему обществу этого разделяемого по социально-экономическим и политическим мотивам региона, признать, что общего имеем «мы». Также представление общины как анти-структуры может позволить нам переступить предел или перешагнуть границы искусственной национальной идентичности, которая настырно навязывается национальным государством. Община в состоянии продвигать проект иного социального единства (местного образца), так как является реформирующим культурную догму механизмом.

Необходимость анти-структуры записана в нашей эволюционной биологической истории, и ее признание может помочь с осознанием того что нынешнее фрагментарное состояние Центральной Азии должно измениться, этот регион должен стать менее политизированным. «Центральность» Центральной Азии не исключает творческого заимствования чужого опыта, однако не приемлет насильственного внедрения такового. Основным направлением развития для всех пяти стран региона может стать строительство постиндустриального общества, где на основе продуманного использования общинного потенциала и в рамках инновационных законных систем будет сформировано реальное общинное гражданское общество.

Литература

1. Аристотель [Электронный ресурс] / Аристотель. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000346/st001.shtml>
2. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса // М.Бахтин. Собрание соч. в 7-ми томах. Т. 4 (2). М.: Языки славянских культур, 2010. – 516 с.
3. Гофман А.Б. Проблематика традиции в творчестве Эмиля Дюркгейма // Социологический журнал. 2007, N 4.
4. Гумилев Л.Н. Словарь понятий и терминов теории этногенеза Л. Н. Гумилева / сост. В. А. Мичурин; под ред. Л. Н. Гумилева // Этносфера: история людей и история природы. М.: Экопрос, 1993.
5. Достоевский Ф.М. [Электронный ресурс] / Достоевский Ф.М. Бесы. – Режим доступа: <http://dostoevskiy.niv.ru/dostoevskiy/proza/besy/besy-3-6.htm>

6. Дюркгейм Э. Социальный элемент в самоубийстве [Электронный ресурс] / Дюркгейм Э. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Durkgeim/Soc_Suicid.php
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Определение морального факта. [Электронный ресурс] / Дюркгейм Э. – Режим доступа: <http://my-shop.ru/files/product/pdf/131/1300327.pdf>
8. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с франц., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.
9. Лифшиц М.А. Собр.соч. в 3 т., М.: Изобр. искусство, 1988, т. 3. – 431 с.
10. Макиавелли. «Государь». [Электронный ресурс] / Макиавелли как хрестоматия для политика. – Режим доступа: <http://azerros.ru/uralov/6318-gosudar-makiavelli-kak-hrestomatiya-dlya-politika.html>
11. Игнатенко, А. А. Ибн-Хальдун [Текст] / А.А. Игнатенко. – М.: Мысль, 1980. – 160с.
12. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней [Текст] : В 5 т. Т. 1. Первобытнообщинный строй. Племенные союзы и раннефеодальные государства на территории Казахстана. — Алма-Ата: Наука КазССР, 1977.
13. Казахстан – самый суицидный среди стран Центр. Азии. Данные ЮНИСЕФ; 17.11.2004 [Электронный ресурс] / Казахстан – Режим доступа <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1100639460>
14. Петровская Е. Предисловие [Электронный ресурс] / Предисловие – Режим доступа <http://www.srph.ru/library/%D0%9D%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%B8%D0%96/Corpus/pre.htm>
15. Предотвращение самоубийств: пособие для консультантов. Всемирная организация здравоохранения. – Женева, 2006, – 31 с.
16. Президент Таджикистана запретил населению разбрасывать деньги на свадьбах [Электронный ресурс] / Таджикистан – Режим доступа <http://newsland.com/news/detail/id/82758/>
17. Туркменистан – четвёртый по самоубийству [Электронный ресурс] / Туркменистан – Режим доступа <http://www.ashgabad.ru/forum/viewtopic.php?f=14&t=969&view=previous>
18. Ромм В.В. Танец как фактор эволюции человеческой культуры. [Электронный ресурс] / Ромм В.В. – Режим доступа <http://www.dissercat.com/content/tanets-kak-faktor-evolyutsii-chelovecheskoi-kultury#ixzz2YMImpffT>
19. 35 процентов населения по пояс увязли в кредитах 12.07.2013 10:16 [Электронный ресурс] / – Режим доступа <http://dv.kg/?p=3129>
20. Ehrenreich B. Dancing in the Streets // B. Ehrenreich, Granta Books, 2007, 320 p.; McNeill, Keeping Together in Time: Dance and Drill in Human History / ACLS Humanities E-Book (August 29, 2008).

21. Ibn-Khaldun, *The Muqaddimah: An Introduction to History* [Text] / Ibn-Khaldun. – Ed. by N. J. Dawood, 1967. Princeton, NJ: Princeton University Press. – Pp. 247–327.
22. Haidt, S. and Kesebir, *Hive Psychology, Happiness, and Public Policy*. [Электронный ресурс] / *Hive Psychology, Happiness, and Public Policy* – Режим доступа <http://faculty.virginia.edu/haidtlab/articles/haidt.seder.hive-psychology-happiness-public-policy.pub059.pdf> P. 140
23. Rorty, *Contingency, Irony, and Solidarity*, R. Rorty. Cambridge University Press, 1989. – 201 p.
24. Smith M., Szathmary. *The Major Transitions in Evolution* Oxford University Press, 1997. – 346 p.